

Книга представляет собой коллективную монографию, посвященную типологии слова: в ней рассматриваются проблемы, связанные с выделением фонетических и грамматических слов (словоформ) в ареально далеких и типологически разнородных языках. Книга была издана по результатам Третьего международного семинара, проходившего в Исследовательском центре по лингвистической типологии университета La Trobe (Австралия, штат Виктория), 7–12 августа 2000 г. По результатам первых двух семинаров, прошедших в 1997 и 1998 гг., теми же редакторами были изданы книги "Changing valency: case studies in transitivity" (Cambridge, 2000) и "Areal diffusion and genetic relationship: problems of comparative linguistics" (Oxford, 2001) соответственно.

В монографии одиннадцать глав, принадлежащих разным авторам. Первая и последняя главы, а также значительная часть второй носят теоретический характер, остальная часть книги посвящена проблематике отдельных языков. Мы уделяем несколько больше внимания теоретической части, ограничиваясь за недостатком места лишь краткими указаниями на тематику других глав.

Первая глава (Р.М. Диксон, А.Ю. Айхенвальд) под названием "Слово: типологический подход" представляет собой теоретическое предварение всего последующего. Авторы на-

чинают с разъяснения некоторых досадных недоразумений относительно концепта "слово". Они, например, вполне обоснованно опровергают общепринятое в лингвистике представление о концепте "слово" как об универсальном семантическом примитиве; разоблачается также основанное на терминологическом недоразумении мнение, что в языках изолирующего типа нет слов. В главе дается обзор литературы по вопросу об определении слова, подвергаются критике как недостаточные и неуниверсальные предложенные различными исследователями критерии выделения слова. Несмотря на большое число названий в списке литературы к этой главе, обзор – и это, по-видимому, его самый существенный недостаток – не является ни исчерпывающим (что при нынешнем состоянии вопроса, впрочем, вряд ли возможно), ни даже сбалансированным (что более досадно). При этом даже набор ссылок на англоязычных лингвистов, представленных наиболее полно, содержит некоторые трудно объяснимые лакуны. Остановимся на одном примере: ни в первой главе, ни в книге вообще не упоминается Дж. Гринберг, в статье которого [Greenberg 1960] (русском читателю она известна в переводе [Гринберг 1963]) были изложены полезные рабочие критерии выделения словоформ. На этом фоне не вызывает удивления, что русская лингвистическая традиция

почти полностью игнорируется: из работ отечественных исследователей упомянуты лишь давняя англоязычная публикация [Žirmunskij 1966], обзорная по своему характеру словарная статья [Гак 1990] и узкоспециальная работа по эвенкийскому языку [Nedjalkov 1992]. Однако не нуждается в доказательстве, что работы русских лингвистов содержат ценные концептуальные достижения в этой области, учет многих из которых был бы крайне полезен именно для типологического исследования. Мы укажем лишь на наиболее яркие факты: так, А.И. Смирницким [Смирницкий 1954] был введен термин "словоформа" (кстати, не упомянутый в книге); специально посвящена строгому определению словоформы пионерская статья [Кузнецов 1964]; из достижений А.А. Зализняка упомянем лишь введение им в [Зализняк 1978] термина "морфонологическое слово"; С.Е. Яхонтов в [Яхонтов 1982] дает сжатое, но очень содержательное описание рабочих критериев словоделения; наконец, большая часть первого тома "Курса общей морфологии" И.А. Мельчука ([Мельчук 1997–2001]; работа, напомним, существует как на русском, так и на французском языке), посвящена именно определению словоформы¹. Все названные авторы в книге не упомянуты ни разу.

Авторы, наконец, излагают некоторые принимаемые ими теоретические положения. К числу последних относятся следующие разграничения: лексема vs. словоизменительная форма (= словоформа); орфографическое слово (= сегмент по [Зализняк 1967: 19]) vs. другие понимания термина "слово"; фонетическое vs. грамматическое слово (= словоформа). Кроме того, приводятся предлагаемые критерии выделения грамматического и фонетического слова.

Грамматическое слово определяется как набор грамматических элементов, которые "а) всегда встречаются вместе, а не распределяются по фразе <...>; б) встречаются в фиксированном порядке; в) обладают конвенционализированной связностью и значением (conventionalized coherence and meaning)" (с. 19). Практическое применение этого определения, к сожалению, сопряжено с некоторыми трудностями, так как из трех пунктов этого

определения первый сформулирован слишком расплывчато, чтобы ему можно было придать точный смысл, второй, по свидетельству самих авторов, допускает исключения; что же касается третьего, то из текста статьи неясно, что, собственно, подразумевается под "конвенционализированным значением"².

Фонологическое слово определяется авторами как фонологическая единица не меньше слога, "имеющая не менее одного <...> определяющего свойства, выбранного из одной из следующих областей: а) сегментные признаки <...> б) супraseгментные признаки <...> в) морфонологические изменения <...>" (с. 13). Это определение адекватно соответствует многообразию критериев, по которым в описаниях различных языков определяется понятие фонологического (фонетического) слова, но применить его в типологическом исследовании, как нам представляется, не всегда оказывается легко: критерии из пунктов а), б) и в) могут противоречить друг другу, что, к сожалению, происходит довольно часто; более того – учет явлений, подходящих лишь под один из этих пунктов, может не давать единой картины. Например, известно, что в русском языке морфонологические изменения обнаруживают большое разнообразие дистрибуций: на стыке глагольной флексии с основой происходят одни изменения (например, "переходная" палатализация: /пек/ + /от/ → /печот/), на стыке именной флексии с основой – другие (например, "непереходная" палатализация: /рук/ + /е/ → /рук'е/); на границах после (безударных) предлогов и после префиксов не происходит никаких изменений, кроме ассимиляций по глухости / звонкости; на прочих границах добавляется еще и оглушение конечного шумного. Какую из этих групп чередований выбрать в качестве характерной именно для межсловных границ, а priori не очевидно.

Вторая глава (А.Ю. Айхенвальд) посвящена выделению фонетических и грамматических слов в языке тариана (аравакская семья, северо-запад Амазонии); особое внимание уделяется клитикам: как клитикам в тариана, так и типологии клитик вообще.

А.Ю. Айхенвальд вводит пятнадцать типологических параметров, которыми описывается поведение и статус клитик в языке: 1) ли-

¹ На наш взгляд, для авторов этой книги представляла бы значительный интерес и работа [Перцов 2000]; однако эта работа напечатана в труднодоступном издании и, будучи опубликованной уже после семинара Исследовательского центра по лингвистической типологии, едва ли могла быть известна авторам монографии.

² Если это идиоматичное значение, то, например, для подавляющего большинства традиционно выделяемых словоизменительных показателей это условие не выполняется; если же здесь имеется в виду просто 'некоторое четко установленное значение', то это условие выполняется для любых сочетаний языковых знаков.

нейная позиция (проклятики vs. энклитики; позиция внутри клитического комплекса); 2) свобода выбора единиц, к которым клитики присоединяются; 3) дистрибуция их позиций относительно синтаксических границ; 4) способность образовывать самостоятельное фонетическое слово; 5) особенности сегментного состава и фонотактики; 6) сандхи на клитической границе; 7) возможность паузации на границах клитик; 8) клитические комплексы и поведение слов, содержащих клитики; 9) относительное расположение клитик в цепочке; 10) соотношение клитик с аффиксами; 11) соотношение клитик с полноценными словоформами; 12) синтаксическая область действия клитик; 13) возможности лексикализации, случаи семантически или морфологически идиосинкратических сочетаний с клитикой; 14) особые (применяющиеся лишь к клитикам) синтаксические правила; 15) корреляция признака "клитика – полноценная словоформа" с другими (например, с частеречной принадлежностью). Далее на основании этих параметров в пределах "континуального" подхода предлагается определять место конкретных единиц на шкале "клитика – аффикс".

По-видимому, данные параметры (строгого определения практически ни одному из которых не дается) имеет смысл рассматривать лишь как предварительный эвристический список, а не как полноценный рабочий инструмент типологических исследований. Действительно, часть их явно неэлементарна (например, пятый и восьмой параметры), а часть – избыточна (например, в значительной степени "перекрываются" первый и девятый, второй и двенадцатый параметры); при этом одни параметры, очевидно, характеризуют конкретную клитику (например, первые два), другие – множество всех клитик языка (например, последний), третьи же могут иметь двоякую трактовку. Не указывается, к сожалению, и область возможных значений параметров, так что без специальных разъяснений остается не вполне понятным, какое значение принимает параметр в каждом конкретном случае.

Большая часть главы посвящена описанию клитик в языке тариана, для каждой из них определяются свойства, которые она разделяет с независимыми словами или с аффиксами; при этом оказывается, в частности, что проклятики в языке тариана больше похожи на полноценные слова, чем энклитики.

Основную часть книги, как уже говорилось, занимают очерки, посвященные проблемам, связанным с выделением фонетических и грамматических слов в отдельных языках.

В третьей главе Э. Вудбери обсуждается купик (эскимосские языки, Аляска) – поли-

синтетический язык с развитым словоизменением и богатой системой словообразовательных суффиксов.

Четвертая глава посвящена восточному и центральному арренте (устар. аранда, паманьюнга, Австралия – Дж. Гендерсон), где установление границ фонологических и грамматических слов настолько затруднительно, что автор главы отказывается от формулировки общеприменимого критерия деления высказываний как на фонологические, так и на грамматические слова в этом языке, хотя и предлагает несколько предварительных критериев.

Язык джаравара (семья арава, юг Амазонии – Р.М.В. Диксон) обсуждается в пятой главе. Диксон дает определения грамматическому и фонологическому слову в языке джаравара и отмечает случаи несовпадения грамматического и фонологического слов. Интересно, что в джаравара, согласно описанию Диксона, не только одно фонологическое слово может состоять из нескольких грамматических, но и, наоборот, одно грамматическое из нескольких фонологических (что нехарактерно для языков средневропейского стандарта), причем второе встречается гораздо чаще первого (что вообще говоря, бывает крайне редко).

Особый интерес для семиотической теории представляет шестая глава (У. Зешан), в которой делается попытка применить термин "слово" к языкам жестов. Специфическая субстанция этих знаковых систем предопределяет такие свойства входящих в них знаков (в частности, "слов"), которые немыслимы применительно к словам естественного, звучащего языка: так, в некоторых языках жестов могут одновременно (двумя руками сразу) передаваться несколько "слов".

Языкам сиу (семья языков, распространенных в центральной части Северной Америки – Р. Рэнкин, Дж. Бойль, Р. Грачик, Дж. Кунц) посвящена седьмая глава. Поскольку в языках сиу имеется сложная система префиксов (так, в языке квапу в глагольную словоформу может входить до восьми грамматических префиксов) и энклитик (положение дополнительно усугубляется наличием глагольной инкорпорации), то для авторов главы определение слова (как фонетического, так и грамматического) в языках сиу оказывается довольно трудной задачей, для решения которой требуется, по их свидетельству, "помощь духов" (с. 202).

В восьмой главе К. Олавский рассматривает проблемы выделения слова (как фонетического, так и грамматического) в языке дагбани (семья гур, Гана). Рассмотрение материала

этого языка не может не заслуживать внимания: проблемы грамматики языков Западной Африки вообще и проблема слова в них в частности до сих пор не вполне осмыслены теорией языкознания.

В девятой главе (А. Гаррис) описывается соотношение фонологических и грамматических слов в грузинском языке (картвельская семья), причем оказывается, что границы первых и вторых совпадают практически всегда; исключений немного, и они вполне предсказуемы: это конструкции с клитиками и композиты.

Слову в новогреческом языке посвящена десятая глава (Б. Джозеф), где, помимо обсуждения статуса "клитик" традиционной грамматики греческого языка (это постоянная тема автора главы), содержится скрупулезный перечень критериев выделения фонологического слова в новогреческом, включающий сегментные, супraseгментные и морфонологические характеристики словесных границ; отмечаются исключения из общих закономерностей, поведение заимствований и т.п.

Одиннадцатая глава (автор – П. Мэтьюс – знаменитый морфолог, известный, в частности, книгой [Matthews 1991]) называется "Что мы можем заключить?". От главы с таким названием, стоящей в книге последней, можно ожидать каких-то выводов и обобщения сказанного раньше; в данном же случае Мэтьюс скорее возвращается к ключевым проблемам, связанным с понятием слова, и в первую очередь – к проблеме принципиальной неединственности словоделения в общем случае. Причина этой неединственности, по Мэтьюсу, заключается в том, что наши теоретические представления основываются на традиции грамматических описаний латинского языка. В связи с этим Мэтьюс описывает языковые основания латинского словоделения и приводит список трудных случаев словоделения в латыни и непоследовательностей традиционной грамматики в этом отношении (так, *quomodo* 'как', рассматриваемое латинской грамматикой как одно слово, могло разрываться клитикой *que*, что в общем случае не допускалось). Кроме того, Мэтьюс лишний раз обращается к разграничению фонетического слова и словоформы и останавливается на соотношении понятий слова и словосочетания; кратко, но интересно и содержательно обсуждается статус клитик в лингвистическом описании.

Мэтьюс объективно отмечает многочисленные случаи противоречия между различными критериями выделения словоформ и отсутствие у лингвистов (даже в пределах рассматриваемой монографии) единодушия по поводу приоритетности критериев (например, для языков сиву в седьмой главе, с. 190–191, авторами описывается вариативность положения инкорпорированного корня внутри

глагольной словоформы, хотя в других случаях переставимость частей слова не допускается). Как мы уже говорили, Мэтьюс ограничивается постановкой проблем и практически не делает выводов; единственное типологическое обобщение Мэтьюса – постулат об универсальности слова – представляет собой дедуктивную (выводимую из принятой теории грамматики, а не из эмпирических данных) универсалию.

Книга чрезвычайно интересна содержащимися в ней эмпирическими данными языков различной структуры. Ценность этих данных представляется нам тем выше, что большинство рассматриваемых в монографии языков – экзотические и практически неизвестные лингвистам (в особенности российским) из-за отсутствия или труднодоступности описаний.

При этом сам набор языков не может не вызывать вопросов. С одной стороны, рассматриваются такие языки, как грузинский и новогреческий: в первом словоделение, по-видимому, не вызывает проблем, а во втором оно демонстрирует всего лишь довольно обычное отставание орфографии и грамматической традиции от языковой реальности. С другой стороны, совершенно оставлены в стороне языки изолирующего строя и агглютинативные языки Евразии³, представляющие особый интерес для грамматической теории именно с точки зрения словоделения. Таким образом, выборка языков производит впечатление довольно случайной.

Некоторые недоработки теоретического аппарата не мешают книге Диксона и Айхенвальд, написанной в рамках "наблюдательной" (ориентированной на факты) типологии, полностью достичь своей цели: представленный в ней богатейший эмпирический материал служит прекрасной иллюстрацией тех многочисленных проблем, которые встают перед лингвистом при любой попытке определить, что же такое слово.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гак 1990 – В.Г. Гак. Слово // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. Н.В. Ярцевой. М., 1990.
Гринберг 1963 – Дж. Гринберг. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963.
Зализняк 1967 – А.А. Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967.

³ Ср. краткое обсуждение проблемы слова в изолирующих и агглютинативных языках и ссылки на литературу в [Солнцев 1995: 68 и сл.].

- Зализняк 1978 – А.А. Зализняк. Грамматический очерк санскрита // В.А. Кочергина. Санскритско-русский словарь. М., 1978.
- Кузнецов 1964 – П.С. Кузнецов. Опыт формального определения слова // ВЯ. 1964. № 5.
- Мельчук 1997–2001 – И.А. Мельчук. Курс общей морфологии (теоретической и описательной). М. Т. 1 – 1997. Т. 2 – 1998. Т. 3 – 2000. Т. 4 – 2001.
- Перцов 2000 – Н.В. Перцов. Еще раз к строному определению словоформы // Труды международного семинара Диалог'2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям: В 2-х т. Т. 1: Теоретические проблемы. Протвино, 2000.
- Смирницкий 1954 – А.И. Смирницкий. К вопросу о слове (проблема "тождества слова") // Труды Института языкознания АН СССР. М., 1954. Т. IV.
- Солнцев 1995 – В.М. Солнцев. Введение в теорию изолирующих языков (в связи с общими особенностями человеческого языка). М., 1995.
- Яхонтов 1982 – С.Е. Яхонтов. Метод исследования и определение исходных понятий // Квантитативная типология языков Азии и Африки / Отв. ред. Б.В. Касевич и С.Е. Яхонтов. Л., 1982.
- Greenberg 1960 – J.H. Greenberg. A quantitative approach to the morphological typology of languages // International journal of American linguistics. 1960. V. 26.
- Matthews 1991 – P.H. Matthews. Morphology. 2nd ed. Cambridge, 1991.
- Nedjalkov 1992 – I.V. Nedjalkov. Functions of Evenki verbal suffixes with variable morpheme ordering (comparative approach) // Languages of the world 4. 1992.
- Žirmunskij 1966 – V.M. Žirmunskij. The word and its boundaries // Linguistics 27. 1966.

Д.А. Паперно